

В. В. Аристархов

директор Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, в 2013–2018 гг. — первый заместитель министра культуры Российской Федерации

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О КУЛЬТУРЕ. ПРЕДМЕТ СПОРА И ГРУППЫ ИНТЕРЕСОВ

Прежде чем рассказывать о той дискуссии, которая идёт сегодня, необходимо сделать длинное предисловие, чтобы было понятно, чем в последние годы занималось министерство культуры в плане создания правовой базы культурной политики.

Слово «культура» очень многогранное. Ведь и телевидение — это культура, и театр — культура, и музей — тоже культура. То есть «культура» — это очень широкое понятие. Но очень часто, когда мы сталкиваемся с широтой этого понятия в реальной жизни, у нас возникает сомнение: действительно ли все безобразия, которые мы видим по телевидению или в театре, — это культура? Возникает вопрос: что можно считать культурой, а что нет? Проблем в этом отношении много, и возникли они не вчера.

В нашей Конституции есть указание на то, что государство проводит культурную политику. Сейчас оно пытается этим заниматься — с той или иной степенью эффективности. По Конституции каждый имеет право на участие в культурной жизни, на доступ к культурному наследию и на пользование учреждениями культуры. По Конституции в России нет идеологии и нет цензуры. Правда, в 55-й статье указано ещё и то, что права и свободы человека могут быть ограничены для защиты ценностей

и нравственности. И эта оговорка обосновывает проведение государством определённой культурной политики.

Кроме того, у нас есть «Основы законодательства Российской Федерации о культуре», принятые ещё в 1992 году. Они во многом устарели, некоторые их положения утратили силу, но в целом они работают. И есть ряд законов, которые регулируют разные сферы культурной жизни: закон о музеях и музейном деле, закон о библиотечном деле, закон об охране памятников и другие. Есть также множество правовых актов регионального уровня, ведомственного уровня (например, акты министерства культуры) и так далее.

В 2012 году министром культуры был назначен Владимир Мединский. Одной из поставленных перед ним задач было наведение порядка в этом хаосе правовых актов в сфере культуры. Другой задачей было сделать так, чтобы государство хотя бы не вредило, не поддерживало то, что является очевидно оскорбительным, разрушает наши ценности и наше общество.

Проблемой, с которой мы сразу столкнулись, стало отсутствие в нашем законодательстве определения самого понятия «культура». У нас есть мощное научное сообщество, и мы обратились к нему за помощью по этому вопросу. Нам дали от 400 до 600 определений этого термина, и ситуация стала ещё непонятнее. Поэтому было принято волевое решение о том, что министерство культуры, действуя в интересах общества в целом (а задача государства — это именно отражать интересы общества), должно использовать понятие не культуры вообще, а такой культуры, которая важна для общества. (Ведь культура питания — это тоже культура, и физкультура — тоже.) И затем на основе разработок учёных было принято решение, что мы остановимся именно на таком определении культуры. Звучит

оно так: «Культура — совокупность формальных и неформальных институтов, явлений и факторов, влияющих на сохранение, производство, трансляцию и распространение духовных ценностей».

То есть что нам говорит наука о культуре в данном понимании этого слова? С одной стороны, каждый из нас — это плод наследственности, истории наших предков. Но есть ещё и нечто такое, что в обществе передаётся из поколения в поколение негенетическим путём. Это тот опыт, который наша цивилизация накопила за многие тысячелетия. Это касается и опыта отношений между людьми, и опыта создания общества, создания государства, понимания мироздания. Это вся философия, это религия, это тот образ жизни, который передаётся из поколения в поколение. И культура в самом общем, самом важном смысле этого слова — это механизм передачи ценностей от поколения к поколению.

Как работает этот механизм? Человек воспитывается на определённых образцах для подражания. Он воспринимает эти образцы, когда читает книги или когда ему их читают в детстве, когда он смотрит кино, спектакли, ходит в музеи. Сюда же входит и восприятие архитектурных образов. Мы называем культурой всё то, в чём закодирован наш человеческий опыт. В этом опыте можно выделить наиболее важные вещи — мы называем их «ценности». Это наши представления о добре и зле. Вспомним, как сказал поэт: «крошка сын к отцу пришёл, и спросила кроха: — что такое хорошо и что такое плохо?» Наши ценности — это и есть понимание того, что хорошо, а что плохо, что допустимо, а что недопустимо в обществе и между людьми. То есть если мы рассматриваем культуру в этом наиболее важном для общества понимании, то культурой является всё то, через что накоплен-

ный опыт передаётся от поколения к поколению. Это ценности, накопленные нашим обществом и нашей цивилизацией, это всё то, что составляет нашу идентичность.

Всё сказанное изложено с точки зрения так называемого ценностно-цивилизационного подхода. Он называется ценностным, потому что во главу угла в нём ставятся именно ценности. И он же — цивилизационный, так как рассматривает не ценности вообще, а ценности определённой цивилизации.

Ценности у людей в этом мире разные. Но можно выделить довольно большие группы людей, которые исторически придерживаются одних и тех же ценностей. Л. Н. Гумилёв называл эти группы людей «суперэтносами»; иногда их называют «культурами», иногда — «цивилизациями». Каждому интуитивно понятно, что у жителя Саудовской Аравии культура несколько иная, чем у китайца, у них разные ценности, разное отношение к миру, разная история. Житель Чёрной Африки и житель Московской области тоже отличаются не только цветом кожи, но и тем, что у них разное мировоззрение и разный жизненный опыт, накопленный их обществами. И, конечно, для нас сейчас важно соотношение России и Европы, России и Запада, потому что в последние годы становится всё более очевидным, что Россия и Запад — это две разные цивилизации.

Поэтому, когда мы говорим о культуре и ценностях, мы имеем в виду тот факт, что человечество не едино в этом отношении. Оно раскалывается на большие группы людей с разными ценностями. Конечно, есть и что-то общее, что можно выделить у всех, но немало и разного — того, что позволяет говорить о разных цивилизациях. В том числе о русской цивилизации. В данном контексте неважно, русской или российской, тем более что, кроме как в русском языке, эта разница нигде не отражается.

Я возвращаюсь к теме нашего законотворчества. Как я уже говорил, первым шагом министерства культуры было принципиальное решение о том, что, говоря о культуре, мы имеем в виду не песни и пляски наших уважаемых деятелей культуры и звёзд эстрады, а важный для общества механизм. Документом, где эта отправная точка была зафиксирована, стали «Основы государственной культурной политики», принятые Указом Президента РФ от 24 декабря 2014 года № 808. Вторым документом, где эта тема получила развитие, стала «Стратегия национальной безопасности», вернее, её новая редакция, принятая Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 года № 683. Там цивилизационно-ценностный подход был развит, раскрыт и расшифрован уже в плане практической деятельности. Всем интересующимся вопросами культурной политики я рекомендую посмотреть эти два документа, потому что в них заложено очень многое из того, о чём я буду говорить. И когда мы разрабатывали эти документы, то исходили именно из цивилизационно-ценностного подхода к культуре, описанного выше.

Прежде чем перейти к рассказу о дискуссии вокруг закона «О культуре», необходимо сказать несколько слов о нашей системе законодательства. Основополагающий документ — это Конституция. Стоит отметить, что в нашей стране она несколько противоречива. С одной стороны, в ней гарантируется полная вседозволенность, с другой — возможность ограничения прав и свобод в интересах общества. Следующий по важности уровень правовых актов — это федеральные законы. Но и указы президента так же важны, однако они как бы «перпендикулярны» законодательной системе. Они не являются федеральными законами, и считается, что они ниже их по рангу. Однако указами президента следует руководствоваться в отсутствие федераль-

ных законов, которые регулировали бы вопросы культурной политики. Если же в федеральных законах будут заложены иные принципы, чем в указах, то по нашей Конституции закон имеет первенство. Вот этим и объясняются бурные дискуссии вокруг будущего закона «О культуре». Что же в нём будет заложено? То, что мы разрабатывали в последние годы, или иной, либеральный подход?

Применение цивилизационно-ценностного подхода обусловило включение определённых положений в названные два документа — в «Основы государственной культурной политики» и в «Стратегию национальной безопасности». Что же это за положения?

Первое положение (наверное, самое важное): именно культура — это то, что объединяет Россию. У нас разные регионы, каждый со своим уникальным, неповторимым обликом. Даже регионы, населённые в основном русскими, сильно отличаются между собой. Ставрополье и Архангельская область, Дальний Восток и Ивановская область имеют много общего, но тем не менее у каждого региона есть своё лицо. В России живёт более сотни народов. По последней переписи их почти 200, но из них около 50 численностью до 100 человек, поэтому крупных народов примерно 150. Более того, Россия — это ещё и разные расы, как минимум европеоидная и монголоидная. История у всех тоже очень разная. У нас есть, конечно, общие моменты истории, но они стали общими лет 50-100 назад. И всё это — единый российский народ. Почему же он единый? Разная экономика, разная природа, но вот уже 1000 лет Россия является единым государством.

Потому что народы, которые вошли в нашу российскую семью, были объединены общей культурой, общей системой

ценностей. И именно через культуру Россия стала тем, чем она является. То есть люди, воспринимая свою национальную идентичность, одновременно воспринимают тот комплекс ценностей и понятий о добре и зле, который является общим для каждого из нас.

У каждого этноса в России есть что-то своё, но есть и что-то общее. Это не нивелирование уникальности, не ассимиляция наций. Напротив, уникальность России в том, что у нас в стране разные нации сохраняются и развиваются. Самый частый пример для сравнения — колонизация Северной Америки. Когда она начиналась, там жило около 300 индейских племён, сейчас же их осталось около 10, а крупных — три. В России же все народы, которые существовали 100, 200 и 500 лет назад, живы и сейчас и успешно развиваются.

Но в этом многообразии есть нечто общее — это наше культурное ядро. И это общее отграничивает нас от того, что нам чуждо. В истории немало фактов, когда разные народы, входя в состав России, отказывались от части своей прежней уникальной самобытности ради того, чтобы войти в российский народ. Самый простой пример — Кавказ. Такие уникальные национальные особенности, как кровная месть, многожёнство, шариат — всё это было постепенно ликвидировано в XIX–XX веках. Сейчас это считается неприемлемым среди тех народов, у которых это было нормой в XVIII веке.

В «Стратегии национальной безопасности» мы записали, что основой общероссийской идентичности народов Российской Федерации является исторически сложившаяся система единых духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, а также самобытные культуры многонационального народа Российской Федерации как неотъемлемая часть россий-

ской культуры. Как матрёшка: российская культура — это наша общая оболочка, внутри которой на общем ценностном фундаменте развивается многонациональная культура.

Отсюда понятие единого культурного пространства, которое также вошло в «Стратегию национальной безопасности». То есть раз наша культура едина, то, с одной стороны, все должны иметь равное право на доступ к этой культуре; а с другой стороны, мы обязаны поддерживать то общее, что объединяет все наши народы.

Но в мире существуют разные цивилизации, которые называют также культурами в глобальном смысле этого слова. Что же можно сказать о значении этих культур для России: Запад, Китай, мусульманский мир? Первое и самое важное: мы поддерживаем не любую культуру, а нашу, российскую культуру. Культурные проблемы Чёрной Африки — это её проблемы, не наши; у нас нет ни права, ни обязанности заниматься этими вопросами, это их личное дело.

Притом особенность русского общества уже на протяжении многих веков заключается в том, что оно демонстрирует уникальную способность перенимать всё лучшее из других культур. А вот, например, для мусульманского общества и мусульманской культуры это характерно в гораздо меньшей степени. (Когда я говорю о мусульманской культуре, то я имею в виду культуру исламских стран, принадлежащих арабскому миру, а не культуру наших российских мусульман, поскольку они — часть нашей российской культуры.)

Российская культура — самобытная, самостоятельная, но не закрытая. Открытость русской культуры всему самому хорошему, что приходит извне, предполагает наше право на выбор, право самим решать, что перенимать у других, а что нет.

Любой из нас может найти в других культурах массу того, что перенимать явно не стоит. И вот это право решать самим, что нам нужно, а что не нужно, получило название «принцип культурного суверенитета». Он также заложен в «Стратегии национальной безопасности».

Следующее, о чём хотелось бы поговорить, — это общие для нашей страны ценности. Какие у нас вообще ценности? Понять это было большой проблемой, потому что на тему о том, какие в России главные ценности, были написаны целые тома научных работ. Но задача людей, которые пишут законы, — не вдаваться в дискуссии, а выбрать нечто общее, очевидное и наиболее важное. Насколько это удалось, покажет будущее, но вот что в итоге было записано в «Стратегии национальной безопасности»: на первое место поставили такую ценность, как приоритет духовного над материальным. И документ сразу приобрёл философский смысл, потому что до этого не было, наверное, в нашей стране документа, который пытался бы отразить подлинные ценностные основы нашей жизни. Подавляющее большинство писателей и учёных, которые пишут про Россию, сходятся на том, что для русского народа главным являются не материальные блага (хотя от них тоже никто не отказывается), а правда и справедливость, то есть духовные ценности.

Кстати говоря, если посмотреть на нашу историю, то за один лишь XX век наш народ дважды отказался от очень сильного, с хорошими перспективами государства, сильного экономически и в военном отношении. Отказался только потому, что считал, что принципы этого государства не соответствуют правде и справедливости, не соответствуют нашим представлениям о должном. В 1917 году это произошло из-за того, что самодержавие, к сожалению, оказалось не на высоте; всеобщее недо-

вольство самодержавием было очевидно. Вряд ли кто-то думал о том, что результатом этого недовольства станет Октябрьская революция. Основным мотивом людей было не желание построить то, что построили в советское время, а несогласие с теми устоями общества, которые тогда существовали. И это несмотря на хорошие вооружённые силы и на выдающиеся успехи в развитии экономики. Российская экономика тогда входила в число пяти крупнейших экономик мира. И ровно то же самое произошло у нас в 1991 году, когда страна, занимавшая по всем показателям второе место в мире и имевшая реальный шанс стать первой, внезапно развалилась просто потому, что люди решили, что жить по принципам коммунизма неправильно. Я не буду вдаваться в глубинные причины этих событий, но факт состоит в том, что люди при хорошей жизни пришли к мысли о том, что жизнь надо радикально поменять. И меняли. Эту черту нашего народа иногда приписывают его идеологизированности. Так это и есть, когда главное для людей не материальные интересы и личная выгода, как на Западе, а именно представление о правде и справедливости. Кто почитает «Стратегию национальной безопасности», увидит, что там перечислены и другие ценности: патриотизм, труд и многое другое, — но на первом месте стоит приоритет духовного над материальным.

Следовательно, культура — это то, что формирует нашу духовную сферу или, как говорилось при советской власти, «общественное сознание». Здесь обретает важность понятие духовного благополучия или неблагополучия. Когда мы говорим о качестве жизни, речь идёт не только о наличии канализации, отопления и прочих бытовых удобств, но и о том, насколько комфортно мы себя чувствуем в окружающем мире, общаясь с людьми, смотря телевидение, посещая разные культурные ме-

роприятия, насколько людям комфортно жить в нашем обществе. То есть комфортно не в материальном, а в духовном плане. И вот, оказывается, есть прямая зависимость между ситуацией в культуре, обуславливающей духовное благополучие, и социально-демографическими показателями: рождаемостью, смертностью, уровнем заболеваемости и так далее. У человека, который чувствует себя оскорблённым, утратившим ценностные ориентиры в жизни, страдает иммунитет. Человек становится уязвим для заболеваний, а в обществе в целом распространяется то, что мы называем социальными болезнями, такими как алкоголизм и наркомания, растёт количество аборт, разводов, брошенных детей. Все эти социальные бедствия, как правило, объясняются не материальными причинами (хотя они тоже играют свою роль), а именно духовным неблагополучием. Самый известный пример — 1990-е годы, когда произошёл резкий слом коммунистических ценностей и связанной с ними культуры, в то время как новая культура, новые ценности ещё не сформировались. К тому же многие люди просто не понимали, что происходит, не понимали многое из того, что мы понимаем сейчас. Это привело к полной дезориентации людей, к потере ими жизненных ориентиров. В этом была главная причина повышенной смертности, заболеваемости, вспышки наркомании, алкоголизма и преступности. Повторю, что этому послужили и материальные причины, но не они были главными, поскольку есть масса примеров из истории России и других стран, когда ещё большие материальные проблемы не вели к таким чудовищным социальным последствиям, как в России в 1990-е.

Поэтому государственная культурная политика и законы, которые регулируют сферу культуры, — это законы, которые обуславливают здоровье и долголетие нас с вами и наших

детей. Вплоть до того, что с разрушением нашей культуры и нас с вами не будет. И как выразился А. Я. Флиер, учёный, сотрудник нашего Института Наследия: «Чем больше мы тратим на культуру сегодня, тем меньше мы потратим на тюрьмы и больницы завтра». Не теряю надежды, что руководство нашей страны также поймёт эту взаимосвязь.

Получается, что культура важнее, чем оборона и экономика. Кстати, Владимир Путин однажды примерно так и сказал. Это было в 2014 году в Пскове на расширенном заседании президиума Совета при Президенте по культуре и искусству. Путин сказал: «Потому что если нет культуры, то непонятно вообще, что такое суверенитет, и непонятно тогда, за что бороться». То есть люди не будут бороться и отдавать свои силы за то, что им непонятно и не нужно. Примеры из истории, я думаю, может найти каждый. Таким образом, когда мы говорим о народосохранении, о сохранении единой России, то начинать надо не с обороны, не с экономики, хотя это тоже очень важные отрасли, но с единого культурного пространства, с единства культуры, единства мировоззрения, общих ценностей. Если этого не будет, то и страны не будет. Ведь и СССР распался именно по причине отсутствия культурного единства.

Ну, и последний вывод из сказанного выше — это то, что должна быть культурная политика, то есть влияние государства на культуру страны. Конечно, культурную политику формирует не только государство, потому что любой из нас может повлиять на неё в меру своих возможностей. Это можно делать как индивидуально, так и через общественные организации. Но важная роль государства состоит как раз в том, что оно должно делать то, что не может делать отдельный человек (или может, но хуже). По аналогии, каждый может заниматься обороной страны,

пользуясь собственной двустволкой, но всё-таки армия всегда будет решать эту задачу более эффективно. То же и с культурой. Понятно, что каждый может вносить в её формирование свой вклад, но именно государство может и должно думать об интересах общества в целом.

Когда мы говорим о культурной политике государства, важно не тратить деньги на всё подряд. Как в шуточной загадке: «Почему нельзя дать всё всем? Потому что всех много, а всего мало». И денег на культуру тоже всегда мало, просто потому, что сколько бы государство ни напечатало денег, желающих их получить всегда будет больше. Всегда найдутся те, кто заявят, что они формируют самую важную часть культуры и что именно они должны получить самый большой кусок пирога. Следовательно, государство должно решать, кому выделить бюджетные деньги, кто сможет их потратить наиболее эффективно, а кому лучше их вообще не давать. При этом важно думать не о форме, а о содержании того, что нам предлагается под видом культуры.

В последние годы Министерство культуры Российской Федерации старается жить по этим заповедям и не поддерживать то, что поддержки недостойно. Так, даже если фильм снят очень талантливо, его хвалят критики, он получает награды на Западе, но после его просмотра не хочется жить, то этот фильм поддерживать не стоит. Поясню на примере. Фильм и книга «Как закалялась сталь» — это довольно жуткая биография человека, в конце которой главный герой оказывается полностью парализован и может только писать одной рукой или диктовать текст. Но автор книги сумел показать, что даже в такой ситуации человек остаётся человеком. Можно по-разному относиться к борьбе за дело советской власти и идее установления коммунизма во всём мире, но независимо от того, за какие ценности воевал

Павел Корчагин, его сила духа, мужество, упорство и самоотверженность даже сегодня имеют ценность, вызывают подлинное уважение. Обратный пример — фильм «Левиафан» (2014), который, к сожалению, получил государственную поддержку, но стал образцом фильма, который не надо было поддерживать. Может быть, этот фильм во многих моментах реалистичен, но как сказала одна зрительница, выходя из кинозала, «после фильма жить не хочется». Вопрос состоит в том, зачем вообще нужны такие фильмы, которые усиливают депрессию и не показывают выхода из ситуации.

Есть и другие примеры работ, которые не стоит поддерживать. Есть ли необходимость описывать «творчество» художника Павленского? Он уже стал притчей во языцех. Некоторые критики характеризуют его акции как «перформансы». Но нужно вначале думать о том, что несёт этот художник людям, и только потом решать, стоит ли его поддерживать.

Может быть, самый яркий пример из всех — «Пусси Райот». Вроде бы это был музыкальный ансамбль, но его акции являлись не культурными событиями, а хулиганством. Именно за хулиганство участники «Пусси Райот» и были совершенно заслуженно привлечены к ответственности. В культурном же аспекте те акции, которые они проводили, и то содержание, которое они туда вкладывали, было разрушительным для наших ценностей и для нашего общества. Поэтому такая деятельность в любом случае не могла удостоиться государственной поддержки.

Когда мы обо всём этом беседуем в аудитории с нашими деятелями культуры, то обычно они нас начинают обвинять в том, что мы выступаем за цензуру. Как будто цензура — это что-то плохое по определению. Но, например, поэт Тютчев был цензором, многие другие уважаемые люди были цензорами.

История знает много примеров, когда цензура скорее способствовала развитию культуры, чем тормозила её, в том числе и в советское время. Как бы то ни было, у нас цензура запрещена в 29-й статье Конституции России. И в современной России не существует цензуры как требования о том, чтобы автор согласовывал то, что он собирается написать, снять или поставить на сцене, с уполномоченными органами, как это было в советское время и при царской власти. Сейчас никто ничего заранее не согласовывает, и каждый имеет право творить в тех пределах, которые устанавливает Уголовный кодекс (в России есть запрет на фашизм, экстремизм и так далее). Соблюдая закон, человек может делать что угодно, это право каждого человека по нашей Конституции. Хорошо это или плохо, я не знаю, но это так. Однако право каждого человека творить совершенно не предполагает обязанность государства оплачивать это творчество. Государство должно давать деньги только тем, чья деятельность соответствует интересам всего общества. И не давать финансирования тем, кто разрушительно воздействует на наши духовные ценности, нашу культуру, наше общество. Это не цензура, это государственная культурная политика.

Очень часто деятели культуры говорят: «А как же новые формы? Вот в прошлые века были передвижники, были импрессионисты, и каждая новая форма являлась отрицанием старой, и именно так развивается искусство и культура». Что на это можно возразить? Во-первых, новые формы действительно бывают в каждом поколении, в каждой эпохе, но только ничтожная доля тех, кто объявляет себя новаторами, переживают свою эпоху и вносят вклад в нашу классику. Если взять XIX век, то, наверное, по сравнению с Тредиаковским и Державиным Пушкин был олицетворением нового слова, новой формы. Но одновременно с

Пушкиным творили сотни поэтов, а в истории остались Пушкин и Лермонтов, остальных мы с ходу и не назовём. Значит, совершенно не факт, что то, что сейчас объявляется новой формой, будет расцениваться как нечто выдающееся сто лет спустя — это во-первых. А во-вторых, никакая новая форма не может оправдать вредоносного для общества содержания. То есть если человек — новатор, но его творчество несёт негативный, разрушительный заряд для общества, то никакой новой формой его оправдать нельзя. Многие деятели культуры, которые ратуют за новые формы в театре и живописи, вызывают обоснованное подозрение: а не объясняется ли их новаторство тем, что они просто не умеют творить? Как умели творить классики. Возможно, люди, которые хотят прославиться, вместо того, чтобы создавать хорошие вещи и профессионально это делать, ударяются в эпатаж, кощунство, оскорбления, порнографию и на волне скандального интереса заявляют о себе как о «новаторах» и «борцах с системой». А в живописи люди, не умеющие рисовать, говорят: «Я так вижу, я художник, вы обязаны воспринимать меня таким, какой я есть». Очень часто это объясняется тем, что человек просто не считает нужным учиться рисовать.

Есть такая шутка. Некто заявляет: «Я художник, я так вижу, я создаю абстрактные композиции, не имеющие аналогов в реальном мире». У него спрашивают: «А кто вы по профессии?» «Я — пластический хирург». Смешно, да? Разве будут доверять пластическому хирургу, который объявляет себя новатором-экспериментатором-абстракционистом? Но почему же тогда мы должны доверять наши умы и умы наших детей случайным людям, ставящим эксперименты в культуре? К сожалению, многие представители нашей культурной интеллигенции пока ещё не понимают этого.

Что ещё приходится слышать, когда мы обсуждаем эти материи? Нам говорят, что художник, культура должны всё отражать: и плохое, и хорошее, и мерзкое, — потому что это наша жизнь. Что можно на это возразить? Во-первых, можно вспомнить строки Некрасова: «Сейте разумное, доброе, вечное, сейте, спасибо вам скажет сердечное русский народ». Здесь речь идёт о понимании культуры и искусства как отражения не просто всего подряд, а того, что человека возвышает. Вообще слово «культура» — латинское, оно переводится как «возделывание», «улучшение», и глубинный семантический его смысл — это воспитание, возделывание, улучшение человека. То есть культура — это то, что человека улучшает или хотя бы не ухудшает. Надо ли отражать в культуре всё, что нас окружает? Это тоже можно пояснить на примерах. Думаю, многие помнят пьесу Горького «На дне». И, наверное, все читали «Капитанскую дочку» Пушкина. Можно себе представить, на каком языке на самом деле общались бунтовщики-пугачёвцы, которые выведены в романе Пушкина. Мат изобрели давно, и наверняка пугачёвцы не ограничивали себя в использовании площадной лексики. Но Пушкин не стал вводить в текст эту лексику, ему не надо было использовать мат, чтобы показать реальность, которая была при Пугачёве, и он создал шедевр.

То же самое у Горького. Вообще, пьеса «На дне» известна фразой «человек — это звучит гордо», но вспомним, кто это говорит. Персонажи пьесы — бомжи, бродяги, шулеры, мелкие воришки, преступники и прочие деклассированные элементы. Вы себе представляете, на каком языке они общались в этой ночлежке? Думаю, на матерно-блатном; данная прослойка общества и сейчас общается на таком языке. Но Горький хотя и был писателем неоднозначным, не нуждался в том, чтобы использовать матерную речь для отражения интересовавшей его

реальности. Представляется, что деятели культуры, которые требуют, чтобы на сцене и в фильмах непременно был мат, просто не имеют достаточно таланта, чтобы отразить реальность, не оскорбляя при этом людей.

Возвращаясь к теме наших законов о культуре, можно сделать главный вывод: государство должно заниматься воспитанием людей через культуру, через её сохранение; государство должно оценивать явления культуры, оценивать деятелей культуры и на основе этих оценок принимать решение о том, финансировать этих деятелей или нет. Это и есть государственная культурная политика в предельно упрощённом виде.

Но проблема в том, что на сегодняшний момент механизм этой оценки у нас законодательно не прописан. Поэтому попытки проведения культурной политики часто встречаются криком нашей творческой интеллигенции: «А судьи кто? Кто нас будет оценивать? Почему вы, чиновники, должны нас оценивать, какое вы имеете на это право?» Однако государство не может не оценивать то, что происходит в обществе. И именно государство должно этим заниматься, потому что отдельные люди не могут делать это столь же эффективно. Культурная политика — это сфера государственных интересов.

У нас демократическая страна. Все мы избираем президента, президент назначает министров, включая министра культуры. И министру культуры даны те полномочия, о которых мы с вами говорим. Осуществление этих полномочий — это и есть та демократия, которая прописана в нашей Конституции. Но в нашей системе, к сожалению, не прописаны механизмы этой работы, и вся деятельность министерства культуры в последние годы — это попытка такие механизмы создать. Попытка во многом неудачная в силу сопротивления группы людей, которые

привыкли получать деньги, объявляя себя творцами культуры, и ни за что ни перед кем не отвечать.

Стремление создать механизмы осуществления культурной политики привело к необходимости создать закон «О культуре». Но нужен он не только для этого. Тот, кто сталкивался с нашей культурной жизнью, наверное, знает, что очень многие жалуются на существующий закон о государственных закупках, где всё проходит по конкурсу, на торгах. Эта система бюрократизированная, сложная, неэффективная; часто на торгах выигрывают мошенники. Многие люди, работающие в сфере культуры — в музеях, театрах, библиотеках, страдают от этого несовершенства законов.

Большие проблемы есть и в образовании в сфере культуры. Вузы культуры и искусства имеют двойную подчинённость: их финансирует министерство культуры, но за счет тех средств, которые оно получает от министерства науки и высшего образования. Минобрнауки полагает, что нужно давать деньги за реальную работу, поэтому каждый вуз должен получать финансирование в зависимости от числа обучающихся в нём студентов. Но, допустим, в сельскохозяйственном вузе один профессор может одновременно обучать сто студентов, и этому вузу, чтобы обучить сто студентов, нужна зарплата одного профессора. Тогда как в сфере культуры ситуация совершенно иная. Например, одному студенту необходим один рояль, один преподаватель и ещё один концертмейстер. То есть в данном примере мы имеем двух преподавателей на одного студента. Стремление Минобрнауки к экономии бюджетных денег можно понять, но обучение в вузах культуры невозможно выстроить так же, как в сельскохозяйственных вузах. И этот момент также должен найти отражение в законе «О культуре».

Ещё одна проблема в том, что культура у нас отнесена к сфере услуг. Так сложилось ещё в 1990-е годы, и в нашем классификаторе профессий культура оказалась рядом с прачечной. Сначала в классификаторе идут услуги прачечной, потом услуги в сфере культуры, а после них — услуги похоронных бюро. Это не шутка, это реально существующий классификатор видов деятельности. Но по такой логике и оборону страны тоже можно назвать услугой, однако оборона — это всё же больше, чем услуга. Так же и культура. Это не просто схема «заплати деньги и получи услугу», например билет в кино. Культура — это гораздо больше, чем услуга, но формально культура у нас до сих пор относится к сфере услуг, и у многих к ней сохраняется соответствующее отношение.

Когда мы говорим «культура», то мы, как правило, имеем в виду министерство культуры. Но этому министерству не подчинены телевидение и радио, они относятся к министерству цифрового развития, связи и массовых коммуникаций. Народные промыслы, признанные культурным достоянием, такие как Палех, почему-то отнесены к министерству промышленности и торговли. Работа с молодёжью тоже находится вне сферы ведения Минкультуры, этой работой занимаются министерство просвещения, министерство науки и высшего образования и Федеральное агентство по делам молодёжи. Вот уже много лет идут дискуссии о том, что нам необходим орган, координирующий культурную политику, но пока он так и не заработал. Ещё в 2014 году в «Основах государственной культурной политики» было сказано, что необходимо создать такой орган, но воз и ныне там. Все эти моменты должны были найти своё место в законе «О культуре».

В 2018 году была создана рабочая группа во главе с руководителем Администрации президента Антоном Эдуардовичем Вайно. В её состав вошло множество уважаемых лю-

дей: министр культуры Владимир Ростиславович Мединский, митрополит Тихон (Шевкунов), режиссёр Никита Сергеевич Михалков и многие другие — всего порядка 50 человек. Весной 2019 года мы увидели первый плод работы этой группы, концепцию закона «О культуре». Представляла её бывший редактор газеты «Культура», а ныне председатель Комитета по культуре Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации Елена Александровна Ямпольская. Я разговаривал со многими людьми, состоявшими в этой комиссии. В том числе лично беседовал и с Михалковым, и с Мединским, и с владыкой Тихоном. Я спрашивал у членов комиссии: «А вы читали то, что от вашего имени здесь представляется? Вы участвовали в подготовке этого документа?» Как оказалось, не участвовали и не читали! У меня сложилось впечатление, что представленная тогда в Госдуме концепция закона «О культуре» была создана какой-то узкой группой людей, причём настроенных крайне либерально. Но мне так и не удалось выяснить, кто был в числе её авторов.

То, что было представлено 22 марта 2019 года на слушаниях в Госдуме, — очень спорный документ. По всей видимости, люди, которые там собрались, ранее этот документ не читали — им выдали при входе в зал пачку бумаги страниц на 40 и предложили обсудить закон «О культуре». Естественно, все эти деятели театров, музеев и кино знали, что закон «О культуре» нужен, и поэтому одобрительно высказывались о его проекте, не читая сам документ.

Пока все эти люди выступали, я и Александр Владимирович Щипков ознакомились с содержанием документа. После этого мы попросили слова и высказали свои критические замечания. Многое в том документе нас насторожило, возмутило

и поразило. Общая тональность концепции была такова: государство обязано деятелям культуры просто по факту того, что они есть, обязано их финансировать, а сами деятели никому и ничем не обязаны, они свободные творцы, которые могут творить, что хотят. В свете того, о чём я говорил выше, такой подход представляется мне абсолютно неприемлемым для общества и просто вредным. Тем не менее общая направленность концепции закона «О культуре» была такова, что государство должно давать деньги, и при этом деятели культуры не несут никакой ответственности перед обществом.

В концепции сказано, что гражданам должны предоставляться культурные блага, и что это тоже обязанность государства, но совершенно непонятно, какими эти блага должны быть. В «Основах законодательства Российской Федерации о культуре» есть определение, что культурные блага — это условия и услуги, предоставляемые организациями, другими юридическими и физическими лицами для удовлетворения гражданами своих культурных потребностей. Но это как раз и есть то самое понимание культуры как сферы услуг, с которым мы пытаемся бороться. То есть в концепции закона «О культуре» не было ни слова про воспитание, про государственную культурную политику, про отбор того, что нам нужно поддерживать, говорилось лишь о необходимости финансировать «культурные блага».

В концепции заложена обязанность государства поддерживать фестивали, творческие конкурсы, выставки и так далее. Это дело хорошее, их действительно надо поддерживать. Но их сотни, тысячи — как выбрать из них те, что достойны поддержки? Концепция об этом не говорит. Концепция обязывает государство оказывать поддержку творческим работникам, финансировать разные мероприятия, субсидировать негосударствен-

ные организации, связанные с культурой. Да, это тоже нужно делать, но вряд ли стоит поддерживать всех подряд.

В концепции нет чётко прописанного механизма выбора того, что достойно поддержки, а что нет. То есть механизм, который позволяет делать некий отбор, описан, но сделано это очень витиевато. Суть дела в следующем: предлагается создать такую систему, при которой государство будет предоставлять бюджетные деньги отраслевым общественным организациям сферы культуры, а уже они между собой будут эти деньги как-то распределять. Иными словами, не государство будет решать, кому давать деньги (каким театрам, музеям и на какие фильмы), а творческие союзы. Но если мы почитаем уставы данных организаций, то увидим, что в них нет ни слова про государственные цели и задачи. Наверное, это нормально, потому что эти организации — нечто вроде профсоюзов: Союз музеев защищает музеи, Союз кинематографистов — интересы кинематографистов, Союз театральных деятелей — интересы театральных деятелей. Но ведь тогда получается, что при распределении денег они будут исходить не из государственных интересов, а из своих, корпоративных интересов. И едва ли это будет происходить по объективным критериям.

То, о чём я говорю, совершенно не означает, что интересы творческого сообщества должны игнорироваться. Они тоже часть нашего общества. При министерстве культуры и других министерствах существует множество экспертных советов, в которых заседают деятели культуры. Министерство культуры всегда советуется с деятелями культуры. Но голос деятелей культуры не должен быть решающим при оценке их собственной деятельности. Может быть, давать оценку должно не только государство. Здесь должны иметь голос общественные органи-

зации, которые отражают интересы широких слоёв общества. Например, есть Национальная родительская ассоциация, которая отражает интересы детей и их родителей. Наверное, было бы разумно спросить представителей этой организации, как они оценивают разные культурные новации или иные мероприятия, затрагивающие их интересы.

Вторая группа структур, которую необходимо привлечь к участию в решении вопросов культурной политики, — это традиционные конфессии и, конечно, Русская Православная Церковь, а также связанные с ними организации. Например, Всемирный русский народный собор. Свои традиционные ценности русский народ воспринял от православия, и даже атеисты в целом придерживаются тех же самых ценностей. Поэтому эти структуры необходимо привлекать к управлению сферой культуры.

И последнее — это массовые политические партии. Это тоже реально работающие организации; причём, независимо от политического направления, все они — «Единая Россия», КПРФ, «Справедливая Россия», ЛДПР — чаще всего единодушны, когда занимаются вопросами культуры и духовного благополучия народа. У этих партий различное отношение к разным эпизодам нашей истории, но в базовых вещах, таких как патриотизм, они выступают единым фронтом. И водораздел чаще всего проходит не между коммунистами и единороссами, а между теми, кто болеет душой за Россию, за наше общество, его самостоятельность и сохранность, и теми, кто ориентируется на зарубежные страны.

В той концепции закона «О культуре», которую нам представили, заложены совершенно уникальные, ультралиберальные новации, которых раньше не было никогда. Это обязанность государства финансировать творческую деятельность незави-

симо от её содержания и запрет на принятие кадровых решений, обусловленных творческой деятельностью. Это означает запрет на какую-либо оценку культурной деятельности, отказ от самой идеи культурной политики. Напомню: несколько лет назад за показ спектакля «Тангейзер» директор Новосибирского театра был снят со своего поста. Это пример того, что государство не могло не снять с должности человека, который поставил кощунственный по отношению к христианской религии спектакль, который оскорбил и верующих, и неверующих. Даже другие конфессии из солидарности выступили против этого спектакля. Причём дело дошло до того, что в Новосибирске начались демонстрации с обеих сторон: либералы и их противники стали выходить на улицы, стала усиливаться социальная напряжённость, и в такой ситуации уже нельзя было не снять директора с должности. Если человек не понимает, что такие вещи ставить нельзя, то ему не место на руководящей должности в федеральном учреждении. Но если бы новая концепция закона «О культуре» на тот момент была принята, тот деятель до сих пор бы работал.

В концепции предлагалось, чтобы государственный заказ никак не учитывал отношение создателя произведения искусства (художника, автора, режиссёра) к ключевым для государства и народа историческим событиям и ценностям. Предположим, необходимо установить памятник, посвящённый Великой Отечественной войне, и проводится конкурс, где все проекты оцениваются только с точки зрения «эстетики». В результате может победить памятник, героизирующий сторонников нацистов, если его автор предложит самую красивую и оригинальную «интерпретацию» темы войны.

Мы видели уже много интерпретаций классики, которые разрушают смысл, вложенный авторами в свои произведения.

Видели разные интерпретации истории, даже те, которые прямо фальсифицируют эту историю. Государство не имеет права их поддерживать.

При этом я призываю не демонизировать деятелей культуры и не создавать ситуацию тотального недоверия к ним. В области культуры в нашей стране работает около полумиллиона человек. В подавляющем большинстве это подвижники: работники библиотек, музеев, театров, особенно театров регионально-муниципального уровня, которые искренне желают сделать людям что-то хорошее и получают за это очень небольшие деньги. Но в информационном поле мы чаще видим не этих добросовестных работников, а довольно небольшую группу очень скандальных и эпатажных людей, которые пытаются узурпировать право управлять культурой. К сожалению, в руководстве творческих союзов очень много такого рода людей. Если этот закон будет принят в предлагаемой редакции, то именно эти творческие союзы, включающие таких псевдотворцов, получат право на финансирование самих себя. Это не отменит финансирование огромной сети музеев, библиотек и других учреждений культуры, но сильно затруднит эффективное расходование денег. Деньги пойдут не туда, куда нужно обществу, а туда, куда их направят деятели из творческих корпораций.

В концепции есть также интересный пассаж о том, что на результаты творческой и профессиональной деятельности, осуществляемой в специально предназначенных для этого пространствах, не распространяется закон о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью. Это значит, что в музеях и театрах можно будет показывать что угодно, невзирая на здоровье детей. Сейчас, правда, это тоже можно делать, но по крайней мере есть требование, чтобы такие показы име-

ли маркировку «18+», или другие ограничения. Думаю, что этот момент требует пересмотра в законе «О культуре», но в сторону ужесточения, тогда как в концепции предлагается не усиление защиты детей, а ровно наоборот. Получается, что любой музей, театр, кинотеатр сможет показывать детям что угодно.

Также в концепции закона «О культуре» было сказано, что продукты творческой деятельности не подпадают под действие статьи 148 Уголовного кодекса Российской Федерации о нарушении права свободы совести и вероисповедания. Эта статья была введена в 2013 году, и многие помнят, какие споры по этому поводу были в обществе, хотя в итоге здравый смысл возобладал. Если что-то является оскорбительным для огромной части нашего населения, то этому не место в публичном пространстве. Здесь же, видимо, те самые лица, которые выступали против принятия этой статьи, требуют освободить культуру от её действия. Кроме социальной напряжённости, я думаю, ничего это не принесёт. В целом рассматриваемая концепция закона о культуре, которую непонятно кто создал, выглядит как вброс, как провокация, сделанная с целью посмотреть, что из этого выйдет. Пока что очень многие выступили против, и работа над ней встала. Позже пассаж про 148-ю статью из концепции убрали, думаю, благодаря выступлению Александра Владимировича Щипкова. Но осталось многое другое. Поскольку официальной публикации, посвящённой этой концепции, нигде не было, сложно сказать, отказались ли её авторы от идеи протащить в законе ограничение действия 148-й статьи или это был временный, тактический манёвр.

В концепции интересно описано понятие «учреждения культуры». Предлагается создать под него отдельную правовую форму и ввести неограниченную ответственность государства

по долгам этого учреждения. Это очень удобная схема: творец делает что хочет, тратит на это государственные деньги, а если он перерасходовал деньги, то государство должно все его долги оплатить. Тут только можно руками развести.

В законе предлагается отдельно закрепить понятие «современное» или «актуальное» искусство в качестве отдельного направления культурной деятельности. Об этом тоже были большие споры. Что значит современное? На уровне здравого смысла кажется, что всё то, что творят наши современники, и есть современное искусство. Идёт ли речь об абстракционистах, о Глазунове, о Церетели — это наши современники, поэтому всё это современное искусство. Логично предположить, что актуальное искусство — это то, что актуально для нас с вами, поэтому Пушкин актуален уже 200 лет. Но нам навязывают пришедшее с Запада понимание того, что «современное» и «актуальное» — это непременно что-то нетрадиционное, необычное, эпатажное, провокационное.

Я очень надеюсь, что закон «О культуре» в его нынешнем виде не будет принят, и этого можно достичь совместными усилиями всех тех, кто не разделяет либеральные взгляды, на которых он основан.

Общество, которое лишено идеологии, которое не ставит во главу угла духовные ценности, перестаёт существовать. Печальная судьба христианства в странах Западной Европы это подтверждает. Но мне кажется, здесь надо смотреть шире, потому что дело не только в церкви, а в том, что бездуховность в принципе разрушает общество. Здесь не так важно, является ли человек воцерковленным или нет. Здесь важно, чтобы он имел какой-то стержень внутри себя — идейный, нравственный, духовный, ценностный. Если этот стержень у человека

есть, то у него будут дети, он воспитает их, проживёт долгую счастливую жизнь и оставит своим потомкам то, что оставили нам наши предки. Если этого нет, то мы получим то, к чему скатилась сегодня Европа. Ну, а что будет с Россией — точно зависит от нас с вами.

УДК 316. 75(470+671)
ББК 60. 0(2Рос)
Т37

Т37 **Тетради Русской экспертной школы № 5** : научное издание / Под ред. В. А. Щипкова. – Москва : Русская экспертная школа, 2020. – 104 с.

ISBN 978-5-6041154-3-5

Очередной выпуск Тетрадей Русской экспертной школы представляет читателям тезисы докладов, прозвучавших на семинаре Школы в г. Серпухове 25–26 ноября 2019 года. В этом выпуске затрагиваются следующие темы: современное российское законодательство о культуре, технологии уличных протестов против строительства храмов, негативные последствия закона о профилактике семейно-бытового насилия, неоязычество и регионализм как политические инструменты, происхождение и действие секулярных вызовов перед лицом Церкви.

веб-сайт: russian-expert.ru
электронная почта: mail@russian-expert.ru

ISBN 978-5-6041154-3-5

© Русская экспертная школа, 2020
© Щипков В. А., 2020

Содержание

В. В. Аристархов

Законодательство о культуре. Предмет спора и группы интересов 5

О. А. Матвейчев

Храм и митинг. Технологии уличных протестов на примере
Екатеринбурга 34

Э. Ю. Жгутова

Правоприменительная практика и негативные последствия закона
о профилактике семейно-бытового насилия 50

Игумен Виталий (Уткин Игорь Николаевич)

Этнофутуризм, неоязычество и регионализм как политические
инструменты 65

В. А. Щипков

Секулярный вызов церкви: происхождение, характер,
перспективы 87

Эксперты номера

Аристархов Владимир Владимирович

директор Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва,
в 2013–2018 гг. – первый заместитель министра культуры
Российской Федерации

Жгутова Элина Юрьевна

член Общественной палаты РФ, руководитель «Общественного центра
по защите традиционных семейных ценностей “Иван Чай”»

Игумен Виталий (Уткин)

секретарь Архиерейского совета Ивановской митрополии,
секретарь Учёного совета Свято-Алексеевской Иваново-Вознесенской
православной духовной семинарии, руководитель Миссионерского отдела
Иваново-Вознесенской епархии

Матвейчев Олег Анатольевич

профессор НИУ ВШЭ, политический технолог и консультант,
канд. филос. наук

Щипков Василий Александрович

директор Русской экспертной школы,
доцент МГИМО МИД России, канд. филос. наук